Иван Глазунов:

«Я хочу, чтобы мои дети увидели ледоход»

Разговор с художником, который рвется из центра Москвы на Север

Много лет назад под окнами этого дома в центре Москвы ходили демонстрации, красно-белые лозунги которых предсказывали скорое счастье народа, где каждый будет одет и накормлен. Сегодня по этим же улицам, мимо модных кафе и бутиков, проносятся иномарки, а деловые люди, забывая подумать о счастье, спешат на важные совещания или бизнес-ланчи. Но в самом доме — и тогда, и сейчас — время замирает перед древними ликами, которые бережно собирали, реставрировали, в которые с детства вглядывались его обитатели. В том числе и Иван Глазунов, заслуженный художник России, любитель Русского Севера, отец четверых детей. В его доме-мастерской мы встретились, чтобы поговорить о времени — и о том, что способно противостоять его разрушительной силе.

▲ *Иван Глазунов в мастерской с дочерью Марфой*

Остановить безобразие

— Иван Ильич, Вы, как и Ваши родители, стали профессиональным художником, пошли по их стопам. Легко ли Вам далось такое решение?

— Я часто слышу о себе: «Он продолжает дело отца». Но про художника невозможно так сказать, ведь у нас не наследственная фабрика, где сыновья по наработанной схеме продолжают начатое их предками дело. Честно говоря, у меня просто не было другого пути: родители фактически, не спрашивая, отвели в художественную школу, дали импульс — но дальше уже начинается свой путь, без оглядки на отца, иначе можно просто стать плагиатором. При всем родстве с отцом ты все равно всегда остаешься с холстом один на один.

— Вы очень много времени в детстве провели в знаменитой мастерской отца. А какие у Вас самые яркие воспоминания о той среде? Что, как Вам кажется, формировало Вашу личность?

— Никогда бы не назвал атмосферу, которая царила в папиной мастерской, советской: на стенах висели собранные родителями иконы, на полке стояло эмигрантское издание Закона Божьего, привезенного к нам, очевидно, конспиративно — тогда, наверное, и не помышляли такое в руках подержать. Помню, как рассматривал его черно-белые картинки и как пытался что-то оттуда читать. Помню, что к нам приходили реставраторы и что я наблюдал, как на темной-темной доске вдруг появлялись фрагменты ликов святых, золотых нимбов. Это было настоящим чудом для меня! Еще в памяти всплывает такая картинка: мама на фоне развалин из кирпича и белого камня. Это ломали какой-то московский храм, а патриотический клуб «Родина», детище моего отца, протестовал и писал на стенах, выдавливая краски из тюбиков: «Остановите безобразие». Помню, что возмущались советским сломом и переделкой старых улиц и всего, что дома у нас, наоборот, ценилось.

— То есть Вы воспитывались как бы вне того реального времени, в котором жили Ваши сверстники?

Хотя дома у нас не было каких-то особо антисоветских разговоров, естественно, атмосфера воспитывает, поэтому я на многие вещи смотрел по-другому.

▲ *В мастерской отца. Иван Глазунов с сестрой Верой и родителями — Ильей Глазуновым и Ниной Виноградовой-Бенуа. Конец 1970-х гг.*

◥ ***Середина лета.*** *2010*

— Разумеется, я рос не в парнике: я учился в обычной советской школе, читал обычные книжки, у меня всегда было много друзей, и я прекрасно знал, чем живет мое поколение. И хотя дома у нас не было каких-то особо антисоветских разговоров — но все-таки темы эти были. А ведь дети все слышат, и поэтому я на многие вещи смотрел по-другому.

— А принято ли было в семье говорить о вере, о Боге?

— Конечно, хотя отлаженной церковной жизни у нас не было. Но было положено начало: я крещен с младенчества, я жил среди изображений ликов святых, а еще у нас был один друг семьи, которого мама благословила возить меня по храмам, и, когда мне было 8-12 лет, мы с ним изъездили много святых мест. Помню, например, как рано утром, в темноте, по морозу мы ехали на электричке в Троице-Сергиеву Лавру. Для расширения кругозора он как-то отвел меня и к старообрядцам. Помню, мне у них понравилось — правда, пришлось очень долго стоять на службе. Но как там пели, и как там ощущалось какое-то мерцание старины сквозь ладан и свечи! В детстве запоминаются именно такие картинки. А потом, спустя много лет, они всплывают, и тебе снова хочется там побывать.

Но осознанное, личное обращение к вере у меня произошло лет в двадцать с небольшим. Вдруг возникли вопросы: кто я, что я, и почему я живу так? И тогда на меня обрушилась целая лавина знаний, которые нужны для первого шага в церковь. И это потрясающее чувство новоначальных — тебе помогает Сам Господь! Думаю, моя работа над росписями храмов и икон стала прямым следствием этого шага.

Не буду вдаваться в рассуждения о том, что́ вера совершает в душе каждого, но невооруженным глазом видно, что, помимо духовного преображения, вера еще и вызывает в человеке размышления о том, кто он, где живет, откуда он произошел. Известный советский художник Игорь Грабарь, например, писал, что самое зримое отображение вкусов, нравов и вообще жизни общества — архитектура. По зданиям, которые строятся сейчас, можно судить о том, какую среду мы создаем вокруг и оставляем после себя… А вера — это единственное, что связывает нас с нашей историей. И когда человек поворачивается к Церкви, окружающая среда, его отношение к жизни, к людям — ко всему — кардинально меняется.

— Вы как художник активно участвуете в возрождении святынь. А какая из работ Вам особенно дорога?

— Очень дорога и важна для меня работа над росписями в храме Малое Вознесение на Большой Никитской улице в Москве. Недавно протоиерей Артемий Владимиров сказал мне: «Я зашел в храм, и мне захотелось спросить: а как настолько хорошо сохранились фрески?» Для меня это наивысшая похвала, как раз то, чего я добивался — чтобы в храме как будто и вправду сохранилась старина. Ведь раньше такую работу выполняло одновременно несколько человек, артель, где у каждого был даже не свой фрагмент, а своя отдельная задача: одни писали лики, другие золотили, третьи делали орнаменты и надписи. Поэтому авторство нам чаще всего неизвестно, ведь в такой работе главное — результат.

И при том нет ни одного одинакового храма, каждый неповторим! Получается, что создатели находились на пике творческих сил — и в то же время все так смиренно, безымянно… Здесь же я начинал все один, и для меня это была очень интересная задача.

Всех повалю!

— Вы и в живописи тоже вдохновляетесь образами старины, которые ищете на Русском Севере. С чего началась Ваша любовь к этим местам?

— Мне кажется, это тоже идет из детства. Бывает, приедешь в какой-нибудь старинный городок, деревню — и ощущение, что ты здесь уже был. Без всякой мистики: вероятно, ты об этом в детстве прочитал или увидел на картинке. Когда я впервые приехал на Русский Север, у меня были такие же чувства.

Примерно в 22 года я оказался на перепутье: что для меня составляет интерес в жизни, что меня, как будущего художника, волнует, что заставляет браться за кисти и палитру? На Русский Север ездили многие художники — Грабарь, Билибин, Верещагин — чтобы увидеть не пряничность, не сувенирность, а именно подлинность старой деревянной Руси. Вот и мы с друзьями решили посмотреть на эти места.

Мы поехали на реку Унжу и скитались там целый месяц — представляете, тогда, в самом начале 1990-х, не было ни мобильных телефонов, ни какой-либо связи с домом! — плавали на лодке, общались с местными жителями в каких-то очень глухих и заброшенных деревнях. Одинокие погосты, бедные деревни, старинные избушки, полуразрушенные деревянные церкви. И в то же время сказочные леса, лесные реки с чистейшей водой… В этих местах начинается уже другой, северный колорит, и все, кто сюда приезжает, отмечают, какое здесь небо. Как купол в храме.

Эта поездка меня изменила. Я начал ездить на Русский Север каждый год, изучать Вологодскую, Архангельскую области, собирать коллекцию старинного русского костюма и подлинных вещей из старинного русского обихода. Иногда приезжал с этюдником: ради таких пейзажей я готов ехать очень далеко и часами сидеть под дождем, снегом или кормить комаров, а иногда — просто пообщаться с бабушками, пережившими войну и потерявшими мужей, и послушать их всегда душераздирающие истории, не приукрашенные литературным слогом, рассказанные очень просто, на языке северных жителей, за вечерним чаем.

— Чьи истории зацепили особенно?

— До революции в этих местах было много сказителей. Например, известная Мария Дмитриевна Кривополенова помнила несколько сотен былин, сказок и даже знала улицы и площади древнего Киева — хотя никогда там не бывала. Она была очень интересным и особенным человеком, а за нрав ее даже побаивались в деревне. Последних таких сказителей мне тоже удалось застать еще 15 лет назад…

Как-то я добрался до реки Пинеги — это действительно медвежий угол, там в некоторых деревнях до сих пор нет электричества — пошел по одной из деревень спрашивать, где можно переночевать. И все сразу говорили: «А идите к Александре Филипповне», — и указывали в сторону ее ➥

ИВАН ИЛЬИЧ ГЛАЗУНОВ

Родился 13 октября 1969 года в семье художников Ильи Сергеевича Глазунова и Нины Александровны Виноградовой-Бенуа. Заслуженный художник России, профессор, завкафедрой исторической живописи Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. С. Глазунова.

Работы Ивана Глазунова находятся в государственных и частных собраниях в России и за рубежом. Иван является членом фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», занимается росписью храмов и пишет иконы. Он организовал реставрацию и перевоз из Архангельской области в московский музей-заповедник «Коломенское» уникального памятника деревянного зодчества XVII века — церкви великомученика Георгия Победоносца.

Более 20 лет Иван Глазунов путешествует по Русскому Северу, изучает его традиции и народное искусство, коллекционирует предметы русской старины, народные костюмы, пишет статьи на тему русского декоративно-прикладного искусства, истории русского костюма.

Женат, отец четверых детей. Супруга — Юлия Александровна Глазунова, актриса, режиссер-документалист, продюсер.

дома. Захожу — она в огороде возится: «Заходи, всех повалю!» («повалю» — значит «уложу спать»).

Это одна из тех встреч в жизни, которые сильно действуют на душу. Человек, видя тебя впервые, оставляет тебя ночевать, не запирает дверь круглые сутки, встает в пять утра, чтобы, когда ты проснешься, на столе уже были ягоды, а в печи — горячие архангельские шаньги. Расскажет тебе весь местный фольклор, зная, что тебе это интересно, все истории из личной жизни вперемешку с какими-то древними новгородскими духовными стихами.

Бабушка Александра Филипповна, слава Богу, еще жива, мы много раз приезжали к ней с детьми — я надеюсь и на их жизнь эти впечатления повлияют.

— Вы до сих пор часто бываете на Русском Севере...

◀ *С дочерью Ольгой в мастерской*

— Когда появились дети, нам с женой Юлией захотелось и им дать возможность почувствовать то же, что и мы, а с тех пор, как мы поженились, я ни разу не ездил на Север один. Юля тоже загорелась этой темой и даже сняла несколько документальных фильмов о Русском Севере. Пока эти места еще существуют, их надо увидеть. Не в музее деревянного зодчества, а живьем — как устроен деревенский дом со всеми его особенностями, как деревня продувается ветрами, заносится снегом, весной освещается солнцем. Сегодня большинство детей, читая рассказы даже по школьной программе, не совсем ориентируются в словах и не знают, что такое, например, ледоход. Для них это абстракция. Но ведь это удивительно: чайки плывут на льдинах, и треск такой, что заглушает человеческую речь. Все это надо застать, вовремя в детстве увидеть, узнать, почувствовать — и тогда ощущение от родины будет совсем другое.

— Еще один из удивительных Ваших проектов — перевозка деревянного храма из Архангельской области в московский музей-заповедник «Коломенское». Как Вам это удалось?

— Меня к этому долгое время побуждала жена. И как-то раз, во время очередного путешествия, мы добрались до далекого и забытого всеми села Семеновское и обнаружили там деревянную церковь XVII века, заброшенную и, как водится, испещренную неприличными автографами. А сам по себе храм был удивительный.

И тогда мне показалось, что спасение и перевозка этого храма в Москву для меня гораздо важнее, чем творчество, что это жизненно необходимое дело. Но оказалось, это совсем не просто и не быстро: несколько лет одной только переписки с разными структурами и полуметровая стопка бумаг на столе. В какой-то момент я даже отчаялся, подумал: наверное, уже ничего не получится.

▼ *Семейный портрет. 2002*

Сколько раз в день я слышу от своих маленьких детей слово «папа» и думаю о том, как много теряют дети, растущие без отца!

◥ *Распни его! 1995*

И вдруг дело все-таки пошло: реставраторы-деревянщики разобрали церковь и повезли бревна в Москву. Это было в апреле, и, когда переезжали по последнему льду Северную Двину, колеса грузовых машин были уже на две трети в воде, все таяло. Это был как раз последний день движения по зимнику, потому что мостов нет, и, если не успел, придется ждать следующего сезона.

В «Коломенском» состоялось малое освящение храма в честь святого Георгия Победоносца, и хотя в нем пока не служат, он стоит среди храмов-ровесников и своими крестами XVII века прекрасно дополняет панораму заповедника.

Все начиналось... с Колчака

— Иван, Ваша собственная семья оказалась очень творческой — все связаны общими интересами, занятиями, совместными путешествиями. Это большая редкость сегодня. На Ваш взгляд, какой день стал днем рождения Вашей семьи?

— Как-то на свадьбе у друзей среди привычных для молодежной компании разговоров я вдруг услышал, как одна девушка в споре вступилась за Колчака. Я уже не помню, в чем была суть этой беседы, но, услышав это, я сразу обратил на нее внимание и как бы увидел ее. Ну и потом девушка эта мне и внешне тоже очень понравилась. Вот этот день, наверное, и можно считать днем рождения нашей семьи...

Хотя наша семья рождалась много раз: нельзя же не вспомнить и венчание, и дни рождения каждого из детей, и другие крупные события...

Мне сейчас почему-то вспомнился один случай. Однажды мы были в Черногории и решили съездить оттуда в итальянский город Бари, к мощам Николая Чудотворца. Взяли своих еще маленьких дочек Олю и Глашу, а грудного Федю оставили — поэтому в нашем распоряжении были только сутки. Переправились паромом на итальянский берег — и время пошло. Добрались до храма святителя Николая, отстояли службу — до отправления парома осталось еще полдня. И тогда мы решили на машине доехать до Помпей — а это значит пересечь поперек весь «сапог» Италии и вернуться. Я просчитал по времени: теоретически можно успеть. Приехали, посмотрели Помпеи — и несемся обратно. И вдруг попадаем в такую пробку, что в отчаянии понимаем — не успеем на паром. А следующий только через два дня! Федя в Черногории остается без мамы, итальянская виза заканчивается сегодня... Мы как-то все замолчали и приуныли. И тут смотрю, Оля с Глашей переглянулись, и старшая Оля говорит: «Глашка, давай молиться, чтобы Николай Чудотворец помог». Приезжаем в порт с опозданием на два часа — а паром наш стоит, задержался! И мы успели вернуться вовремя!

Мне кажется, что такие минуты — тоже как дни рождения семьи. Это наши общие воспоминания. И я благодарен Богу за такие простые маленькие чудеса, когда дети видят силу молитвы.

— Чему Вы учитесь в браке? Чему он Вас учит?

— Учит понимать, что семья — это огромная ответственность. И ответственность отца не меньше, чем ответственность матери. ➥

Если я рвану куда-нибудь один, меня потом мучает совесть, что я чем-то обделил свою семью. И тогда либо приходится возвращаться за всеми, либо во второй раз устраивать такую же поездку.

▲ ***Первый снег на Двине.*** *2007*

◥ *Семья художника: супруга Юлия и дети Федя, Глаша, Оля и Марфа*

— А чему, на Ваш взгляд, ребенка должен научить именно отец?
— Сколько раз в день я слышу от своих маленьких детей слово «папа» и думаю о том, как много теряют дети, растущие без отца! Мне кажется, что по многим детям, которые по той или иной причине воспитываются без папы, это заметно. Среди студентов я не раз встречал парней, которым уже по 20 лет — Александр Невский в их возрасте немцев гонял — а они все время мамой прикрываются, как щитом, ничего не могут без нее решить. Папа должен научить ребенка самостоятельности, ответственности… И вообще в жизни ребенка столько ситуаций, когда надо помочь, что невозможно каждую задачу вешать на маму, нужно обязательно самому принимать живое участие во всем, даже в мелочах. И так же прислушиваться, и так же пытаться разглядеть в ребенке определенные способности, желания, настроения.

— Как, по-Вашему, нужно правильно проводить время с детьми? Сколько его должно быть?
— Чем больше, тем лучше. Важно, чтобы единство в семье создавалось не просто за счет родственных уз, но и за счет общих интересов. Потому-то в нашей семье мы стараемся везде ездить вместе, чтобы впечатления, воспоминания и радости были общие. Если я рвану куда-нибудь один, меня потом мучает совесть, что я чем-то обделил свою семью. И тогда либо приходится возвращаться за всеми, либо во второй раз устраивать такую же поездку.

Самое плохое — это проклятая усталость, когда ты отмахиваешься от ребенка и думаешь: сейчас я устал, не могу, буду один. А вдруг у него к тебе важный вопрос? Ведь со временем вопросы типа «где живут кузнечики и как их поймать» перерастают в более серьезные. И если есть час свободного времени, лучше провести его с ребенком. Потому что даже несколько не сказанных маленькому человеку слов могут отозваться в будущем. Даже в мемуарах Николая II проходит мысль (и придает им какой-то оттенок оставленности) о том, что его отец, Александр III, что-то не досказал ему, не успел передать все свои знания. Возможно, просто потому, что не хватило времени: тут мешали какой-то регламент, распорядок, занятость. Так и все в жизни мешает, мешает, а потом ты умираешь и не успеваешь сказать своим детям что-то простое, но важное.

— А как Вы говорите с детьми о вере?
— Мне кажется, что в первую очередь, еще до разговоров, надо с самого младшего возраста приучать ребенка к определенному образу жизни. Помню, мы были в Крыму и на праздник Успения Пресвятой Богородицы поехали на службу в бахчисарайский Успенский пещерный монастырь. Там было столько людей, что храм не вмещал и половины желающих быть на Литургии. И вот палящее солнце, стоишь, обливаясь потом, держишь на руках двухлетнего ребенка, рядом с тобой пятилетняя дочка и беременная жена — и ты думаешь: «Ну зачем я сейчас стою здесь, и сам мучаюсь, и других мучаю?» Но проходит несколько часов, все причастились — и ты понимаешь, что все было не зря.

Приучать детей правильно проводить воскресный или другой праздничный день — это очень большой труд для родителей. Мне кажется, детей всегда надо брать в храм с собой. Пусть они пока еще не понимают, что там происходит, пусть тебе придется большую часть службы следить за ними, успокаивать или отлавливать во дворе, отвечать на вопросы, рассказывать — но потом со временем у них возникнет потребность в воскресенье идти в храм. А если вдруг не удается попасть на воскресную службу — им это уже кажется неправильным.

Объяснить детям, почему перед причастием нельзя ни пить, ни есть, ответить на все их сложные детские вопросы тоже невероятно трудно. Но есть священник, духовник, которого можно позвать на помощь и который обязательно должен появиться в их жизни.

Что будет дальше — не знаю, это уже их отношения с Богом. Мое дело — привести, научить, подать пример. Моей старшей дочери Оле сейчас девятнадцать, и я вижу, что, если у нее нет возможности в воскресенье пойти на службу, она расстраивается. И мне бы очень хотелось, чтобы это навсегда стало для нее жизненной необходимостью.

— В одном из интервью Вы рассказывали, что как-то во время выступления фольклорного ансамбля «Веретенце», в котором участвуют Ваши дочки, зрители-ровесники начали смеяться над их костюмами…
— Да, такое было, это произошло где-то в Подмосковье. Не хочется обижать какой-либо город — в городе N. И молодежный зал просто начал гоготать. Ждали, наверное, чего-то другого. Это как раз то, о чем я говорил: нет понимания своих корней.

Дело в том, что в нашей стране долгое время фольклор считался просто самодеятельностью из жизни советских колхозников. Была подмена, все глубокое, серьезное и духовное было оттуда вынуто. Остались одни только присвисты, взвизгивания, присядки, которые на самом деле подлинной народной культуре и не свойственны. Когда говорят о русском фольклоре, на ум сразу приходит что-то вроде балалаек, щей в бороде и хохломы… А хочется сказать, что суть-то в другом. Там все овеяно чувством веры, фольклор — сокровищница, в которой наши предки хранили и передавали из века в век что-то самое важное для них. Там и духовные стихи, и древние обряды, и плачи, и праздники… И невероятный и богатейший живой русский язык.

— А как Ваши дочки восприняли подобную реакцию? Ведь мнение ровесников для многих — серьезный аргумент… Приходится ли им что-то доказывать, отстаивать?
— Девчонки все прекрасно понимают, и фольклор стал темой их собственного творчества. И у них с детства сложилась своя, очень интересная среда — там много друзей, фестивали, концерты, экспедиции, выставки.

— Вы в своем творчестве обращаетесь к русским традициям. А в семейной жизни Вы пытаетесь какие-то утраченные русские традиции возродить?
— Мы сами на традициях не выросли, и так, как описывал традицию Шмелев, уже, конечно, не будет. Но мы должны запомнить, сохранить и дать детям то, за что они будут с любовью вспоминать и ценить родительский дом, то, что они будут стремиться повторить уже в своих собственных семьях.

Слава Богу, что обыденную жизнь, совместное проживание каждого года нам удается совместить с церковным календарем: посты и праздники придают нашей жизни особый смысл, особый ритм и течение времени от Рождества до Пасхи… Подготовка к праздникам сейчас на старших девочках, а младшие подрастают и уже начинают им помогать. Потом, наверное, им дороги будут воспоминания о своем детстве и маленьких домашних чудесах. ф.

Беседовала **Дарья Баринова**
Фото **Юлии Маковейчук**
и из архива **Ивана Глазунова**